
УДК 323.22/28 : 94 (47+57) «1917/1924

**ОКТАБРЬСКАЯ 1917 г. РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ:
ТЕОРЕТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ 1917 – 1924 гг.**

**OCTOBER 1917 REVOLUTION IN RUSSIA:
THE IDEOLOGY-THEORETICAL BASES AND FEATURES OF ITS
IMPLEMENTATION IN RUSSIAN REALITIES 1917 – 1924 years**

**П.В. Кузьмин, Л.Г. Халанская
P.V. Kuzmin, L.G. Khalanskaya**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Россия, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Vernadsky av., Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007

E-mail: pv.kuzmin@mail.ru, e-mail: larazbritskaya@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа теоретико-идеологических основ Октябрьской 1917 года революции в России, а также практики ее осуществления советским правительством в период с 1917 по 1924 гг. Путем ознакомления с работами отечественных и зарубежных исследователей изложена совокупность идей, лежавших в основе деятельности партии большевиков в период подготовки и осуществления Октябрьской революции. Проводится мысль о том, что незрелость экономического и социокультурного развития России накануне революции осложнило послеоктябрьское развитие российского общества. Новизна решаемых задач после революции, отсутствие четкой программы преобразований и опыта управления, а также единства действий советского правительства привели не только к возникновению острых противоречий в социально-экономической жизни страны, а и к ущемлению прав и свобод граждан России, террору, многочисленным жертвам. В выводах отмечается, что Октябрьская революция как сложное явление, неотъемлемая часть истории нашей страны нуждается во взвешенном осмыслении интеллигенцией, старшим поколением и молодежью России.

Abstract

The article attempts to analyze the theoretical and ideological foundations of the October 1917 revolution in Russia, as well as the practice of its implementation by the Soviet government in the period from 1917 to 1924. By reading the works of domestic and foreign researchers, the set of ideas underlying the activities of the Bolshevik Party during the preparation and implementation of the October Revolution is set out. It is suggested that the immaturity of Russian economic and socio-cultural development on the eve of the revolution complicated the post-October development of Russian society. The novelty of the tasks to be solved after the revolution, the lack of a clear program of transformation and management experience, as well as the unity of the actions of the Soviet government led not only to the emergence of sharp contradictions in the socio-economic life of the country, but also to the infringement of the rights and freedoms of citizens of Russia, terror, and numerous victims. The conclusions note that the October Revolution as a complex phenomenon, an inseparable part of the history of our country, needs a balanced understanding of the intelligentsia, the older generation and the youth of Russia.

Ключевые слова: социалистическая революция; марксистская теория революции; ленинские идеи о революции; партия большевиков.

Keywords: socialist revolution; Marxist theory revolutions; the Lenin ideas about revolution; Bolshevik party.

Как и любое крупное событие, Октябрьская революция 1917 года в России не может не рождать разнообразные дискуссии, мнения, оценки, вопросы относительно ее предпосылок, содержания, социальной роли в развитии России. Объяснить многообразие

аспектов предоктябрьского и послеоктябрьского развития нашей страны весьма непросто. Это связано с тем, что в подавляющем числе обществоведческой литературы, опубликованной до 1991 года, односторонне рассматривались социально-политические процессы исследуемого периода советской истории, отмечались лишь положительные стороны деятельности большевистской партии, ее лидеров, первого правительства во главе с В.И. Лениным в весьма сложное, противоречивое и трагичное время. Конечно, это не относится к ряду мыслителей – Н. Бердяев, И. Ильин, П. Сорокин, Ф. Степун, Н. Устрялов, С. Франк и их единомышленникам, которые в первые послеоктябрьские годы и позднее подошли весьма критично к рассмотрению Октябрьской революции.

После 1991 года наблюдается другая крайность. Интерес исследователей к рассматриваемому периоду отечественной истории становится минимальным. Причем среди авторов работ выделяются ученые, стремящиеся взвешенно проанализировать Октябрь 1917 года и его последствия: В. Коваленко, Г. Авцинова, А. Бутенко, И. Клямкин, В. Водолазов и др. Одновременно, в этот период публикуются работы, в которых октябрьские и послеоктябрьские процессы и события рассматриваются крайне негативно – Д. Волгогонов, А. Ципко и др. Крайности в оценках, навряд ли способствуют выяснению истины как взрослой частью населения, так и молодежью.

Работа в вузах Крыма показывает, что даже юноши и девушки, поступившие в высшее учебное заведение, не могут внятно объяснить события Октября 1917 года в России, их историческое сознание лишено достоверных знаний того периода, в нем немало мифов и искаженных представлений. Одновременно, отметим, что более или менее системное усвоение теоретических оснований Октябрьской революции требует огромного труда, большого количества времени, позитивной мотивации разобраться в этом вопросе. Это связано с необходимостью обратиться к первоисточникам, т. е. произведениям В.И. Ленина. А известно, что полное собрание сочинений В. Ленина состоит из 55 томов и включает свыше 3 тысяч документов. Добавим к этому 40 томов «Ленинских сборников», в которых опубликованы проекты решений и декретов, постановлений ЦК партии, Совета народных комиссаров, конспекты и тезисы по различным вопросам, а также эпистолярные материалы. Считаю дальше. Выявленные факты о жизни и деятельности В. Ленина составляют 13 томов издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Уже в новом тысячелетии, в 2000 году, издательством РОССПЭН выпущен 607-страничный том «В.И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922)». В это издание включено 422 документа, из них 332 ранее не публиковалось вообще, остальные опубликованы либо за рубежом на языке оригинала, либо в России в периодике и монографических исследованиях.

Изложенное выше, а также приближающееся 100-летие Октябрьской революции мотивирует обратиться к этому историческому событию, рассмотреть его в контексте сформулированной в заглавии статьи темы.

Целью статьи является анализ теоретико-идеологических оснований и прикладных реалий Октябрьской 1917 года революции в России, основываясь на прочтении произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и др.

Новизна статьи заключается в попытке объяснить несовпадение целей и результатов Октябрьской революции, основываясь на прочтении произведений классиков революции (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина) и некоторых современных критиков.

Теме революции посвящены сотни страниц опубликованных работ К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895). Отметим, 2-е издание К. Маркса и Ф. Энгельса включает 50 томов (комплект 54 книги), в которых опубликовано около 1600 произведений и около 4000 тысяч писем. Наиболее значимыми для осмысления нашей проблемы являются работы «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Предисловие к первому выпуску «К критике политической экономии», «Капитал», «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы», «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке», «Об авторитете», «О социальном вопросе в России». В указанных и некоторых других работах на основе анализа социально-экономических и политических процессов в Англии, Франции, Германии и других стран

сформулирован широкий спектр идей, положений, выводов о революции. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что революции являются необходимым, закономерным результатом классовой борьбы в антагонистическом обществе. Революция – это ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений [Маркс, 1955, с. 448].

Необходимость революции для перехода к социалистическому строю обосновывается во многих работах, начиная с «Манифеста Коммунистической партии» и заканчивая работами Ф. Энгельса в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Так, в декабре 1889 г. в письме Г. Триру, Ф. Энгельс писал: «У нас единое мнение в вопросе о том, что пролетариат не может завоевать политическое господство – единственную дверь в новое общество – без насильственной революции» [Энгельс, 1965, с. 274].

Обосновывая необходимость завоевания рабочим классом политической власти, К. Маркс и Ф. Энгельс определили ее историческое назначение. В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс писал о том, что необходимо «...присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения» [Маркс, 1956, с. 94].

Основоположники марксизма исходили из того, что осуществление революции предполагает наличие в стране ее предпосылок. В предисловии к первому выпуску работы «К критике политической экономии» К. Маркс в 1859 г. писал: «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [Маркс, 1959, с. 8]. Социальной базой революции являются те классы и общественные группы, которые по своему объективному положению заинтересованы в ней, стремятся и способны ее осуществить. Они выступают движущей силой социальной революции. Политической основой – неспособность действующей системы государственной власти и управления конструктивно и своевременно решать назревшие проблемы. Духовно-идеологическая основа состоит в эрозии фундаментальных моральных и религиозных норм, принципов, базовой системы ценностей и убеждений.

Анализируя экономическое развитие России в последней четверти XIX века, Ф. Энгельс отмечал: «Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не делает низшую общественную форму способной создать из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей» [Энгельс, 1962, с. 445].

Ф. Энгельс взвешенно оценивал потенциальные возможности русской крестьянской общины. «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно произойти социальное возрождение, ...сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических усилий русских передовых бойцов. Этим людям, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, – этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно» [Энгельс, 1962, с. 451].

Вместе с тем Ф. Энгельс вовсе не отрицал определенной роли крестьянской общины в социалистическом преобразовании России и других неевропейских стран. Он писал: «Но зато не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов, те страны, которым только

что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе [Энгельс, 1962, с. 445–446]. Далее Ф. Энгельс добавляет, что неизбежным условием для этого является пример и поддержка стран Запада, в которых победит социализм, что создаст условия для сокращенного процесса развития отсталых стран.

Хотя Ф. Энгельс в 1894 г. в Послесловии к статье «О социальном вопросе в России» и пишет, что для России наступила эра капитализма, все же относит ее к странам, находящимся на докапиталистической стадии развития.

Изучение взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу возможности революции в России, позволяет говорить, что они признавали необходимость революции в России, предсказывали ее заметную роль в развитии мирового революционного процесса. Но речь шла прежде всего о буржуазно-демократической революции. Ф. Энгельс считал, что без социалистических преобразований в передовых странах Западной Европы не может быть социализма в России [Энгельс, 1962, с. 453]. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что революцию невозможно осуществить по заказу, что революция не делается «как кусок узорчатого ситца или самовар» [Энгельс, 1961, с. 547].

Основным вопросом революции, с точки зрения марксизма, является вопрос о власти. Но вопрос о власти не исчерпывает содержание революции. В широком смысле слова она включает все те преобразования, которые осуществляет революционный класс. Характер революции определяется тем, какие социальные задачи она осуществляет и какие силы в ней участвуют.

К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали роль насилия в революции. Они исходили из того, что насилие в истории может играть различные роли, выделяли революционную роль насилия. В работе «Анти-Дюринг», Ф. Энгельс, ссылаясь на слова К. Маркса, сказанные в «Капитале», пишет, что революционное насилие «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы...» [Энгельс, 1961, с. 200]. В письме А. Бебелю Ф. Энгельс указывает на то, что «когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии; ведь нельзя же совершать революцию против того, что даже нет необходимости свергать» [Энгельс, 1965, с. 419–420].

Составной частью марксистской теории революции являются идеи и положения о политической партии, ее роли в политической борьбе против буржуазии и социалистических преобразованиях. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, во всякой борьбе против власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс только организовавшись в особую политическую партию. Эта организация рабочего класса необходима для того, чтобы обеспечить победу и достижение ее конечной цели – уничтожение классов [Маркс, 1977, с. 441–442]. Вызывают интерес взгляды основоположников марксизма на отношение победившего рабочего класса и его партии к крестьянству. Изучение этого аспекта теории революции показывает, что К. Маркс и Ф. Энгельс были сторонниками преобразования крестьянского частного производства в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели [Энгельс, 1962, с. 517].

Таким образом, рассмотрение даже небольшой части марксистских воззрений на социалистическую революцию показывает, что К. Маркс и Ф. Энгельс провели большую работу, направленную на исследование данного социального феномена. Сформулированная ими система идей, положений, концепций, прогнозов охватывает такие аспекты как сущность и социальная роль революции, ее предпосылки и движущие силы, характер и содержание социалистических преобразований, роль в революции диктатуры пролетариата, революционной партии. К. Маркс и Ф. Энгельс знакомились с общественным развитием России: изучали труды российских исследователей, вели переписку с русскими корреспондентами. К. Маркс, чтобы компетентно судить о развитии русского общества, изучил русский язык. В своих тру-

дах они отмечают, что в России наблюдается консерватизм политической системы, обнищание масс, ущемление гражданских прав, складываются революционные организации.

В первой четверти XX в. многие марксистские положения теории революции развил В. Ленин (Ульянов) (1870–1924). Он сделал вывод об усилении неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма и показал, что различные страны придут к социализму не одновременно, что победа социалистической революции невозможна сразу во всех или большинстве капиталистических стран. Она победит первоначально в нескольких или даже в одной отдельно взятой стране, причем не обязательно в наиболее развитой. Она может победить и в стране со средним уровнем развития капитализма [Ленин, 1968, с. 182; Ленин, 1969, с. 354–355]. Это было новым вкладом в теорию революции. Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из возможности одновременной победы пролетариата в нескольких странах с высоким уровнем капитализма (Англия, США, Франция, Голландия). Этот вывод являлся правильным для своего времени, т. е. для эпохи домонополистического развития капитализма.

Опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленин создал учение о революционной ситуации. В своей работе «Крах II Интернационала» он указывает следующие ее признаки: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, кризис «верхов», когда они не могут, а «низы» не хотят жить по-старому; 2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс [Ленин, 1969, с. 218]. Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна. Необходим также субъективный фактор – способность революционного класса на решительные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить или надломить старое правительство, которое само «не упадет», если его не «уронят» [Ленин, 1969, с. 219].

Небезынтересны для нас ленинские суждения о предпосылках революции. В. Ленин не отрицал необходимость таких предпосылок, но одновременно он своеобразно их трактовал. С одной стороны, В. Ленин понимал, что в России отсутствуют достаточные экономические предпосылки революции, и это будет затруднять осуществление социалистических преобразований. Выступая на седьмом экстренном съезде РКП(б) в марте 1918 года, он говорил: «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи – организационные» [Ленин, 1969, с. 5–6].

Позднее, в январе 1923 года, в статье «О нашей революции» В. Ленин писал: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. С этим положением все герои II Интернационала...носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции» [Ленин, 1970, с. 380]. И далее в этой же работе он отмечает: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот «уровень культуры»), ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [Ленин, 1970, с. 381].

Думается, будет уместным здесь привести точку зрения Г. Плеханова о наличии в России материальных предпосылок социалистической революции. Накануне революции в сентябре 1917 г. теоретик и пропагандист марксизма в России в свойственной ему образной форме писал: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма» [Цит. по: Сиднев, 1998, с. 41]. Этой же точки зрения, хотя и со многими оговорками, придерживались меньшевики России (И. Церетели, М. Скобелев, Ю. Мартов и др.). Марксизм Г. Плеханова и меньшевиков ставил революцию в зависимость от объективных условий. История, по их мнению, в своем развитии проходит через необходимые этапы. Русское общество должно было прежде всего достичь уровня

развития, который делает возможной буржуазную революцию. Только тогда, когда та принесет свои плоды, нужно будет думать о революции социалистической. Предварять ход истории означает прийти к диктатуре, спровоцировать страшную неразбериху.

У В. Ленина была иная точка зрения. Для него главным являлся не столько вопрос об уровне социально-экономического развития, сколько вопрос о практических условиях овладения государством, считает современный французский политолог Ф. Бенетон [См.: Бенетон, 2002, с. 216–217].

Придерживаясь точки зрения, что в 1917 году в России отсутствовали необходимые социально-экономические предпосылки перехода к социализму, можно говорить о том, что Октябрьская революция произошла в стране вопреки одному из ключевых «правил». Этому, на наш взгляд, способствовали благоприятные для революционного переворота политические условия. К ним можно отнести: активность и организованность левого крыла российской социал-демократии, распространенность марксистской теории среди интеллигенции и рабочего класса, сочувствие части интеллигенции коммунистической идеологии, сравнительно малая политическая активность буржуазии, слабость и бездарность царского, а затем и Временного правительства. Приведем в подтверждение неспособности управлять страной после Февральской революции со стороны Временного правительства признание, сделанное на Государственном совещании 12 августа 1917 г. министра внутренних дел Временного правительства Н. Д. Авксентьева. Последний сказал: «Теперь мы можем охарактеризовать внутреннее положение России как положение развала, распыленности власти, распыленности воли, групповых устремлений. ...Мы, Временное правительство, во внутреннем стремлении должны при помощи всех живых сил страны поставить во главу угла идею государственности и идею порядка» [Соловьев, 2016, с. 35]. Приведенное изречение одного из ключевых министров Временного правительства позволяет нам констатировать, что официальная власть была неспособна решать возложенные на нее задачи.

Осмывая вклад В. Ленина в теорию революции, отметим его учение о партии. Это учение В. Ленин развил, прежде всего, в работах «Что делать?» (1902 г.) и «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.). В более поздних произведениях взгляды на революционную партию уточнялись и дополнялись. Партия, по замыслу В. Ленина, создавалась как партия нового типа. Это сплоченная, централизованная партия, партия избранных, ядро которой составляют профессиональные революционеры. Один из крупнейших английских историков XX века Э. Карр выделял три главных момента в деятельности партии большевиков между Октябрьской революцией и смертью В. Ленина: растущая власть в руках небольшого руководящего партийного центра, превращение партии из революционной организации, устремленной на свержение существующих институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины и, наконец, создание для нее монопольного положения путем устранения других партий [Карр, 1990, с. 157]. Многие решения съездов партии предусматривали обеспечение качества, чистоты, единства партии. «Лучше, – говорил В. Ленин, – чтобы десять работающих не называли себя членами партии ..., чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии» [Ленин, 1967, с. 290]. Накануне февральской революции 1917 г. партия насчитывала 23600 человек. В 1918 г. это число выросло до 115 тысяч, в январе 1920 г. и январе 1924 г. составляло соответственно 431 тыс. и 585 тыс. человек [Карр, 1990, с. 171]. Отметим, что еще до смерти В. Ленина была признана власть партии, ее диктатура над всеми сферами политики, над всеми сторонами системы управления. На высшем уровне главная роль партии обеспечивалась верховной властью Политбюро.

Изучая ленинское наследие о революции в России, нельзя не заметить, что стратегия В. Ленина во многом строилась на идее, что социалистическая революция в России должна стать детонатором мировой революции или, по крайней мере, революций в странах Европы. В статье «Кризис назрел» в сентябре 1917 г. он писал: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции» [Ленин, 1969, с. 275]. В январе 1918 г., т. е. вскоре после взятия власти, В. Ленин отмечал: «...теперь мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам ... ви-

дим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал – немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит» [Ленин, 1974, с. 278–279]. И в более поздних своих работах В. Ленин вновь и вновь утверждал тезис о неизбежности мировой социалистической революции. Так, 6 ноября 1920 г., на торжественном заседании, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции, он признавался: «мы ... начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию» [Ленин, 1970, с. 1]. Но, как известно, его надежды будут обмануты, прогноз относительно победы революций в ряде западных стран и их поддержки революции в России не оправдался.

В послеоктябрьском периоде до 1924 года выделяются два исторических отрезка времени, получившие наименования – политика «военного коммунизма» и новая экономическая политика (НЭП). Политика «военного коммунизма», начавшаяся летом – осенью 1918 г., характеризовалась: в области сельского хозяйства – продразверстка, изъятие у крестьян всех излишков, а иногда и не излишков, а части необходимого для крестьянина продовольствия для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Э. Карр, рассматривая эту сторону «военного коммунизма», пишет: «Это были вызванные отчаянием средства для достижения цели. С точки зрения теории социализма критерий необходимости, возможно, казался естественным и правильным: от крестьянина требовалось предоставить все, что превышало его собственные потребности и потребности его семьи. С точки зрения практики это было губительно. Неприкрытая реквизиция у так называемого кулака произвольно установленных излишков вызывала обычно реакцию двух видов: краткосрочную, заключающуюся в сокрытии запасов, и долгосрочную – в отказе засеять больше земли, чем было необходимо для пропитания своей семьи» [Карр, 1990, с. 523]. В ходе продразверстки применялись чрезвычайные меры в отношении крестьянства. В правительственном декрете было записано, что «владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в место сбора и ссыпки, объявляются врагами народа и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины» [Ленин, 1969, с. 316]. В области промышленности политика «военного коммунизма» выражалась, прежде всего, в национализации всех крупнейших промышленных предприятий, в попытках государства управлять промышленностью на социалистических началах. В области трудовой политики – мобилизация рабочих на военные усилия и направление их туда, где в них больше всего была нужда.

В результате политики «военного коммунизма» в стране углубился экономический и социально-политический кризис, усилились выступления граждан против большевистской власти, поставивших ее под угрозу. В марте 1921 г. В. Ленин принял решение о смене политики «военного коммунизма» новой экономической политикой. Продовольственная и сырьевая разверстка заменялась хлебным (натуральным) налогом; активизировалась торговля; вводился денежный обмен; проводилась денационализация мелких предприятий; разрешалась аренда госпредприятий кооперативными организациями и физическими лицами; разрешалось развитие концессий; проводился перевод части предприятий на хозрасчет. В. Ленин в статье «О кооперации» (май 1923 г.) писал, что переход к НЭПу означает коренную перемену всей точки зрения на социализм. «Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную работу» [Ленин, 1969, с. 376]. Главными задачами в этот период являлись: переделка аппарата управления и культурная работа с крестьянством. Обе задачи представляли большую сложность, решить их в короткие сроки было невозможно. В указанной статье подчеркивалось, что «культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база» [Ленин, 1969, с. 377].

Ознакомление с последними письмами и статьями В. Ленина (они были продиктованы им во время болезни с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г.) – «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции» и другие – по-

казывает, что В. Ленин в этот период представлял строительство социализма в отсталой России в виде долговременной программы, осуществляемой эволюционными, а не революционными средствами. Это, на наш взгляд, фактически была ориентация на формирование материально-экономических и социокультурных предпосылок перехода к социализму.

Теоретико-идеологические основания Октябрьской революции в России включают совокупность марксистско-ленинских положений, связанных с политикой, стратегией и тактикой, которыми руководствовалась партия большевиков и ее лидеры в борьбе за власть и после овладения ею. В этой совокупности, руководствуясь принципом политической и социокультурной направленности, можно выделить конструктивное и деструктивное, ненасилие и насилие, соотношение которых в политике зависит от ряда объективных и субъективных факторов и сложившейся конкретной ситуации.

В. Ленин в новых исторических условиях развил марксистское учение о революции, о чем свидетельствуют многие его работы и дооктябрьского, и послеоктябрьского периода. Революцию он представлял как преобразование, ломающее старые общественные отношения в самом основном и коренном, а не переделывание их осторожно и постепенно.

В послеоктябрьских работах, и в особенности в последних статьях и речах, В. Ленин рассматривал строительство социализма в отсталой России в виде долгосрочной программы преобразований во всех сферах общества, осуществляемой эволюционными средствами. Отход от некоторых марксистских положений, их уточнение и формулирование новых, на наш взгляд, не является ревизией марксизма, а есть отражение явлений и процессов, возникших в России в первые два десятилетия XX века.

В. Ленин осознавал опасность делу социалистического строительства в условиях, когда капитализм в России не успел по-настоящему утвердиться. Но одновременно он допускал и возможность того, что в определенных исторических условиях капитализм может исчерпать себя, не получив устойчивого, всестороннего развития и тем самым вызвать потребность нового строя не после себя, а взамен себя. Создание экономических, социокультурных предпосылок социализма при этом будет происходить после свершения революции.

Несовпадение целей и результатов Октябрьской революции – сложная и многоаспектная проблема, имеющая экономическое, социально-политическое, идеологическое и мировоззренческое измерение. К причинам этого несовпадения можно отнести: 1) дооктябрьскую отсталость социально-экономического и культурного развития России, создавшую невероятные сложности и трудности послеоктябрьских преобразований; 2) недостаточную готовность субъектов политического процесса к практическому осуществлению постреволюционных преобразований. Не только массы, но и управленческая элита не обладали должной политической и общей культурой, не имели четких представлений о том, что и как преобразовывать. Политическая практика показывает: чем ниже уровень общей, гражданской и управленческой культуры руководителей и организаторов политической деятельности, а также общей и гражданской культуры масс, тем жестче борьба политических сил, сильнее деструктивные тенденции и влияние ультрарадикальных элементов слева и справа; 3) отсутствие единства действий среди властвующих сил по вопросам преобразования российского общества. Отсутствие единства проявлялось не только в несогласии по ряду вопросов тактики действий (что представляется, является допустимым в тех сложных условиях, в особенности на стадии обсуждения принимаемых решений), а и в открытой враждебности некоторых представителей политической элиты между собой.

В процессе послеоктябрьских преобразований было допущено немало ошибок, принято и осуществлено немало решений, которые на практике привели к ущемлению прав и свобод граждан, насилию, террору, глумлению над выдающимися страницами русской истории, уничтожению пластов отечественной культуры (религии, отдельных сфер науки и философии, классического искусства), к многочисленным жертвам. Эти трагические процессы и явления нельзя оправдать никакими высокими целями революции. Здесь, как нам представляется, уместно процитировать слова Ф. Энгельса, который писал: «Во всякой революции неизбежно делается множество глупостей также, как и во всякое другое время; и когда, наконец, люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно

приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше бы не делать и не сделали многого, что следовало бы сделать, потому что дело шло скверно» [Энгельс, 1961, с. 517].

Политические и духовно-нравственные основания Октябрьской 1917 г. революции в России, деятельность противоборствующих в ней сил нуждаются в непредвзятом, взвешенном анализе и осмыслении не только интеллигенцией, старшим поколением, а и молодежью, в т. ч. студенчеством. Если этого не сделать, возникший вакуум будет заполняться поверхностными, заангажированными и демагогическими трактовками.

Список литературы References

1. Бенетон Ф. 2002. Введение в политическую науку. М., Весь Мир, 368.
Beneton F. 2002. Vvedenie v politicheskiju nauku. M., Ves' Mir, 368. (in Russian)
2. Аскольдов С.А., Бердяев Н.А., Булгаков С.А. и др. 1990. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., Изд. Моск. ун-та, 298.
Askol'dov S.A., Berdjaev N.A., Bulgakov S.A. i dr. 1990. Iz glubiny: Sbornik statej o russoj revoljucii. M., Izd. Mosk. un-ta, 298. (in Russian)
3. Карр Э. 1990. История Советской России. Кн. 1; Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. М., Прогресс, 768.
Karr Je. 1990. Istorija Sovetskoy Rossii. Kn. 1; Tom 1 i 2. Bol'shevistskaja revoljucija. 1917 – 1923. M., Progress, 768. (in Russian)
4. Ленин В.И. 1967. II съезд РСДРП. Речи и выступление при обсуждении устава партии. Полн. собр. соч. Т. 7: 287–291.
Lenin V.I. 1967. II s"ezd RSDRP. Rechi i vystuplenie pri obsuzhdenii ustava partii. Poln. sobr. soch. T. 7: 287–291. (in Russian)
5. Ленин В.И. 1968. Горючий материал в мировой политике. Полн. собр. соч. Т. 17: 174–183.
Lenin V.I. 1968. Gorjuchij material v mirovoj politike. Poln. sobr. soch. T. 17: 174–183. (in Russian)
6. Ленин В. И. 1969. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч. Т. 26: 209–265.
Lenin V. I. 1969. Kraih II Internacionala. Poln. sobr. soch. T. 26: 209–265. (in Russian)
7. Ленин В.И. 1969. О лозунге соединенных штатов Европы. Полн. собр. соч. Т. 26: 351–355.
Lenin V.I. 1969. O lozunge soedinennyh shtatov Evropy. Poln. sobr. soch. T. 26: 351–355. (in Russian)
8. Ленин В.И. 1969. Кризис назрел. Полн. собр. соч. Т. 34: 272–283.
Lenin V.I. 1969. Krizis nazrel. Poln. sobr. soch. T. 34: 272–283. (in Russian)
9. Ленин В.И. 1974. Третий Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Полн. собр. соч. Т. 35: 259–290.
Lenin V.I. 1974. Tretij Vserossijskij s"ezd sovetov rabochih, soldatskih i krest'janskih deputatov. Poln. sobr. soch. T. 35: 259–290. (in Russian)
10. Ленин В.И. 1969. Седьмой экстренный съезд РКП (б). Полн. собр. соч. Т. 36: 1–76.
Lenin V.I. 1969. Sed'moj jekstrennyj s"ezd RKP (b). Poln. sobr. soch. T. 36: 1–76. (in Russian)
11. Ленин В.И. 1969. Основные положения декрета о продовольственной диктатуре. Полн. собр. соч. Т. 36: 316–317.
Lenin V.I. 1969. Osnovnyje polozhenija dekreta o prodovol'stvennoj diktature. Poln. sobr. soch. T. 36: 316–317. (in Russian)
12. Ленин В.И. 1970. Речь на торжественном заседании пленума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП (б) и МГПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. Полн. собр. соч. Т. 42: 1–6.
Lenin V.I. 1970. Rech' na torzhestvennom zasedanii plenuma Moskovskogo soveta rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov, MK RKP (b) i MGPS, posvjashhenom 3-j godovshhine Oktjabr'skoj revoljucii, 6 nojabrja 1920 g. Poln. sobr. soch. T. 42: 1–6. (in Russian)
13. Ленин В.И. 1970. О кооперации. Полн. собр. соч. Т. 45: 369–377.
Lenin V.I. 1970. O kooperacii. Poln. sobr. soch. T. 45: 369–377. (in Russian)
14. Ленин В.И. 1970. О нашей революции. Полн. собр. соч. Т. 45: 378–382.
Lenin V.I. 1970. O nashej revoljucii. Poln. sobr. soch. T. 45: 378–382. (in Russian)
15. Маркс К. 1955. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа. Соч. 2 изд. Т. 1: 430–448.
Marks K. 1955. Kriticheskie zametki k stat'e «Prussaka» «Korol' prusskij i social'naja reforma. Soch. 2 izd. T. 1: 430–448. (in Russian)

16. Маркс К. 1956. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Соч. 2 изд. Т. 7: 5–110.
Marks K. 1956. Klassovaja bor'ba vo Francii s 1848 po 1850 g. Soch. 2 izd. T. 7: 5–110. (in Russian)
17. Маркс К. 1959. Предисловие «К критике политической экономии» Соч. 2 изд. Т. 13: 5–9.
Marks K. 1959. Predislovie «K kritike politicheskoj jekonomii» Soch. 2 izd. T. 13: 5–9. (in Russian)
18. Маркс К. 1977. Проект Устава и Организационного регламента Международного Товарищества Рабочих, утвержденного Генеральным Советом летом 1872 г. Соч. 2 изд. Т. 44: 437–449.
Marks K. 1977. Proekt Ustava i Organizacionnogo reglamenta Mezhdunarodnogo Tovarishhestva Rabochih, utverzhdennogo General'nym Sovetom letom 1872 g. Soch. 2 izd. T. 44: 437–449. (in Russian)
19. Сиднев Л.Н. 1998. Русская революция: теоретический прогноз и историческая реальность. Запорожье, 125.
Sidnev L.N. 1998. Russkaja revoljucija: teoreticheskij prognoz i istoricheskaja real'nost'. Zaporozh'e, 125. (in Russian)
20. Соловьев К. А. 2016. Временное правительство в политической системе России 1917 г. Российская история. 5: 20–26.
Solov'ev K. A. 2016. Vremennoe pravitel'stvo v politicheskoj sisteme Rossii 1917 g. Rossijskaja istorija. 5: 20–26. (in Russian)
21. Такер Р. 1990. Политическая культура и лидерство в советской России. От Ленина до Горбачева (продолжение). США: экономика, политика, идеология. 3: 73–83.
Taker R. 1990. Politicheskaja kul'tura i liderstvo v sovetskoj Rossii. Ot Lenina do Gorbacheva (prodolzhenie). SShA: jekonomika, politika, ideologija. 3: 73–83. (in Russian)
22. Экштут С. 2016. Почему наука боится Ленина? Среди ученых до сих пор не нашлось смельчака, рискнувшего написать новейшую биографию вождя революции. Родина. 11: 28–30.
Jekshut S. 2016. Pochemu nauka boitsja Lenina? Sredi uchenyh do sih por ne nashlos' smel'chaka, risknuvshego napisat' novejšuju biografiju vozhdja revoljucii. Rodina. 11: 28–30. (in Russian)
23. Энгельс Ф. 1961. Программа blankистских эмигрантов Коммуны. Соч. 2 изд. Т. 18: 510–517.
Jengel's F. 1961. Programma blankistskih jemigrantov Kommuny. Soch. 2 izd. T. 18: 510–517. (in Russian)
24. Энгельс Ф. 1961. О социальном вопросе в России. Соч. 2 изд. Т. 18: 537–547.
Jengel's F. 1961. O social'nom voprose v Rossii. Soch. 2 izd. T. 18: 537–547. (in Russian)
25. Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Соч. 2 изд. Т. 20: 7–318.
Jengel's F. 1961. Anti-Djuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Djuringom. Soch. 2 izd. T. 20: 7–318. (in Russian)
26. Энгельс Ф. 1962. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Соч. 2 изд. Т. 22: 503–525.
Jengel's F. 1962. Krest'janskij vopros vo Francii i Germanii. Soch. 2 izd. T. 22: 503–525. (in Russian)
27. Энгельс Ф. 1962. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» Соч. 2 изд. Т. 22: 443–453.
Jengel's F. 1962. Posleslovie k rabote «O social'nom voprose v Rossii» Soch. 2 izd. T. 22: 443–453. (in Russian)
28. Энгельс Ф. 1965. Письмо Г. Триру. Лондон, 18 декабря 1889 г. Соч. 2 изд. Т. 37: 274–275.
Jengel's F. 1965. Pis'mo G. Triru. London, 18 dekabrja 1889 g. Soch. 2 izd. T. 37: 274–275. (in Russian)
29. Энгельс Ф. 1965. Письмо А. Бебелю. Лондон, 7 октября 1892 г. Соч. 2 изд. Т. 38: 419–420.
Jengel's F. 1965. Pis'mo A. Bebelju. London, 7 oktjabrja 1892 g. Soch. 2 izd. T. 38: 419–420. (in Russian)